

Дом Культуры

Остатки русского искусства могут запыть

Всего киноб. - 1998 -
24 сент. - с. 5.

Леонид ПЛЕШАКОВ

ЯВЛЕНИЕ ЖЕНИХА ВСЕЙ ИТАЛИИ В КОСТРОМУ

В эти дни Марчелло Мастрояни исполнилось бы 75 лет. Наш корреспондент Леонид Плешаков (на снимке слева) вспоминает, как он вместе с великим киноартистом снимался в фильме Никиты Михалкова «Очи черные».

А я был шкафом

Такого в Костроме еще не было. В древний русский город с привкусом патриархальной провинции прибыла киногруппа итальянцев с самим Марчелло Мастрояни! Никита Михалков снимал фильм «Очи черные».

Центром всеобщего внимания, понятно, был Марчелло Мастрояни. Вот и я был командирован в Кострому ради интервью с ним. Никита Михалков по старой дружбе нашел для меня маленькую эпизодическую роль, чтобы я мог понаблюдать актера во время съемок, ведь человек лучше всего раскрывается в работе, да и ведет себя более раскованно, чем встречаясь с журналистами. Что же касается моего вклада в мировое киноискусство, то... Знаете, когда в просторной комнате совсем нет мебели, она кажется пустоватой. Стоит же ее обставить столами, креслами, всякими там торшерами и клетками с попугаями, она начнет молча рассказывать о хозяине и его характере множество любопытных вещей. Вот и киногерой порой нуждается, чтобы кинокадр был насыщен живыми заполнителями, на фоне которых он, герой, действует. Если живой фон, условно говоря, находится от героя подальше, это — массовка, поближе — уже эпизодическая роль. Нечто вроде дивана, на котором любит возлегать герой, или шкафа, к которому порой он может обратиться с речью. Только этот шкаф одушевленный. Ему иногда разрешается на крупном плане взмахнуть рукой, а то и сказать нечто. Так вот, я был, скажу без ложной скромности, чем-то вроде шкафа. Зато рядом!

Звезда без капризов

...Приехавши в Кострому, итальянцы (операторы, осветители, костюмеры и т. д.) держались с Мастрояни с подчеркнутой уважительностью. Это было не преклонение перед знаменитостью, а именно уважение к мастеру, сделавшему много вообще, и для славы своей родины — особенно. В чем проявлялось это уважение? В едва заметных деталях. В том, как обращался к нему оператор, когда во время репетиции просил повыигрышнее повернуть голову, как костюмер расправлял случайную складку на костюме или как за секунды до команды «Мотор!» примерялся чуть-чуть осветить грим. Такое отношение к звезде — главному лицу в съемочном процессе — для западного кино дело самое обычное. Вокруг звезд все и вертится на съемочной площадке. Наверное, этим объясняются нелепые скандалы звезд, о которых так охотно сообщает пресса. Избалованность — главная причина дурацких капризов и причуд. Но с Мастрояни был не тот случай. «Главное лицо» не привередничало, не капризничало, спокойно реагировало на замечания, исполняло все, что от него требовали, и в той же спокойной манере переспрашивало, так ли все сделано.

Друзья и близкие Мастрояни в своих воспоминаниях о нем неизменно пишут о его трудолюбии. Он и в Костроме всегда был в работе. Как-то часов в одиннадцать вечера, заранее договорившись с Михалковым об интервью, я поднялся к нему в номер.

— Сегодня ничего не получится, — извинился режиссер. — Сейчас будем репетировать с Марчелло завтрашний эпизод.

Представляете? Поздним вечером у Мастрояни уже начались завтрашний рабочий день! А утром согласно расписанию съемок он уже находился на площадке в костюме своего героя, загримированный, готовый стать перед камерой.

Строго говоря, киносъемки — это вовсе не съемки, а бесконечная тягостная подготовка к ним. Время в основном уходит на установку реквизита, света, последние перед включением камеры репетиции. Сами же съемки, непосредственная работа камеры — это короткие, измеряемые минутами, а то и секундами мгновения. А потом — опять подготовительная зазудная работа перед съемками очередного эпизода.

В короткие перерывы между дублями Марчелло не уходил с площадки, сидел где-нибудь в уголке и начинал смолить одну сигарету за другой, и было непонятно, хотел ли он снять напряжение после съемок предыдущего эпизода или сосредоточиться перед очередным. В эти минуты его старались не тревожить, не отвлекать по мелочам. Он будто бы присутствовал здесь и в то же время был далеко. Но едва режиссер давал команду к началу работы, Мастрояни тут же был готов включиться в нее.

Если перерыв между эпизодами затягивался, Марчелло уходил с площадки. Эти минуты я старался использовать для разговора с ним. Вот о чем он счел возможным мне рассказать.

«Я смотрю на мир глазами архитектора»

Мастрояни родился в местечке Фонтана Лири неподалеку от Рима. В юности был рабочим, освоил специальность слесаря. Поступил в университет, решив стать архитектором. Студентом играл в труппе любительского театра.

— Как-то на один из наших спектаклей пришел тогда уже известный режиссер Лукино Висконти. Я до сих пор не знаю, что он такого во мне увидел, но Висконти пригласил меня в свой профессиональный театр. (Чтобы мне было понятно, Мастрояни показывает пальцем, как Висконти помнил его). Я вовсе не собирался тогда оставлять архитектуру и становиться актером, а просто подумал: почему бы не попробовать? Дебют в театре Висконти прошел успешно. И когда после спектакля я услышал аплодисменты зрительного зала, их яд сразу отравил меня. Я решил бросить университет, хотя был уже на четвертом курсе, и стал актером.

— Не жалеете о профессии архитектора?

— Пожалуй, нет. Хотя я по-прежнему считаю эту профессию самой прекрасной и необходимой людям. Честно говоря, архитектор сидит во мне по сей пору. Бывая в разных странах и городах — при моей профессии приходится много ездить, — я все время ловлю себя на том, что рассматриваю их глазами архитектора. Смотрю, оцениваю, что удалось задумать, что нет. Стараюсь через архитектуру понять живущих там людей. В этом смысле мне очень понравилась Кострома. Имею в виду ее старую часть: тихие зеленые улочки, дворики с хозяйственными постройками, огромными деревьями, каким-то необычным уютом. Этого, кстати, не скажешь о новой части города. Я вообще не люблю новые застройки. Они слишком прагматичны. Будь ты в Риме, Алжире, новых кварталах Парижа или еще каких-то городов, где идет современное строи-

тельство, обязательно в глаза бросается их одноликость, схожесть между собой.

Я понимаю, жилые дома должны быть функциональными, люди хотят жить в удобных квартирах. Тут не поспоришь. Но нельзя забывать о внешней эстетике, нельзя, чтобы наши жилища походили на бетонные коробки с прямоугольными дырами для окон и балконов... Надо думать о том, что мы оставим после себя грядущим поколениям. Сами-то мы получили в наследство немало архитектурных шедевров. Это говорил коренной римлянин, который жил среди шедевров, сработанных еще рабами Рима.

«Удивляюсь, как эта физиономия кормит меня всю жизнь»

Естественно, хотелось поговорить с ним и о кино, о великих режиссерах, у которых он снимался, о замечательных актерах, его партнерах по фильмам. Мастрояни как-то очень мягко, но твердо ушел от разговора на эти темы.

— Не жалеете о профессии архитектора?

— Пожалуй, нет. Хотя я по-прежнему считаю эту профессию самой прекрасной и необходимой людям. Честно говоря, архитектор сидит во мне по сей пору. Бывая в разных странах и городах — при моей профессии приходится много ездить, — я все время ловлю себя на том, что рассматриваю их глазами архитектора. Смотрю, оцениваю, что удалось задумать, что нет. Стараюсь через архитектуру понять живущих там людей. В этом смысле мне очень понравилась Кострома. Имею в виду ее старую часть: тихие зеленые улочки, дворики с хозяйственными постройками, огромными деревьями, каким-то необычным уютом. Этого, кстати, не скажешь о новой части города. Я вообще не люблю новые застройки. Они слишком прагматичны. Будь ты в Риме, Алжире, новых кварталах Парижа или еще каких-то городов, где идет современное строи-

тельную привлекательность, в ней, как во всякой профессии, есть свои взлеты и падения... И все-таки я люблю ее: она позволяет выразить то, что хотелось, позволяет достичь таких вершин, что забываешь все прежние неудачи. Тогда ты счастлив.

Однажды Мастрояни признался: «Когда я не работаю, то умираю от тоски, не знаю, куда себя деть...» Начав сниматься в кино в 1947 году, он сыграл с тех пор примерно в 120—140 фильмах и в основном — главные роли. Бывало, за год он успевал сняться в трех-четыре картинах. Мне захотелось уточнить эту цифру: «120—140?». Он сказал, что сам не помнит и учет такой не ведет: «Понимаете, для меня главным было работать, хорошо делать свое дело, а статистика...»

Когда-то давно, беседуя с Мариной Влади о ее карьере в кино, я спросил о Мастрояни, с которым она совсем юной шестнадцатилетней девочкой снималась в «Днях любви». Он был уже известным актером и на 15 лет старше нее.

— Он подавлял своим авторитетом?

— Что ты! Он замечательный парень, — возразила она. — Работая с ним, чувствуешь себя очень комфортно, он не давит партнера своим авторитетом, старается помочь. Когда в тридцать-сорок лет он успешно сыграл роли молодых мужчин в нескольких замечательных фильмах (вспомним «Сладкую жизнь», «Белые ночи», «Ночь», «Восемь с половиной»), близкие и друзья стали любовно называть его «женнином всей Италии». Он даже позволял себе кокетничать: «Как это так получилось, что эта физиономия кормит меня всю жизнь?», хотя, уверен, он знал, насколько хорош собой и неотразим для женщин.

В Кострому он приехал уже в 63 года. О человеке, перешагнувшем шестидесятилетний рубеж, в Италии с отменком сочувствия говорят, что «он вошел в третий возраст». Ничто так не старит человека, как прожитые годы. Вот и Мастрояни не сумел перехитрить природу. Он все еще молодым держался на съемочной площадке, работал без послаблений на возраст,

но — и это было видно — уставал. Во время съемок где-нибудь в соседнем квартале стоял прикорнувший рулет — эдакое приземистое чудо-юдо-автомобиль на маленьких колесах размером чуть больше микроавтобуса. По колесам можно было судить, что экипаж рожден не для долгих поездок — для отдыха. Его пригоняли в нужное место и оставляли дремать до той поры, когда уставший Мастрояни нуждался в передышке. В рулете был диванчик, стол, кресло, небольшая электрическая плита, буфет. Конечно, можно было перекусить, выпить горячего кофе, прилечь. На Западе такая мини-гостиница на колесах — обязательный элемент съемки и оговаривается в контрактах с видными актерами. Привезли рулет и в Кострому.

Не могу объяснить, почему, но у меня возник достаточно дурацкий вопрос: на кой черт Мастрояни в довольно-таки зрелом возрасте прикинул в далекий, не особо обихожанный провинциальный российский город? Ведь оставаясь в родной солнечной Италии, он мог бы значительно комфортнее провести время на тех же киносъемках. Вообще, почему возник сам проект фильма на «русскую» тему?

Почему Чехов и Михалков?

Помнилось, что, когда в начале такого же 1986 года Мастрояни приехал в Москву, то, выступая по телевидению, он неожиданно для многих (для Никиты Михалкова в том числе) признался, что хотел бы сыграть в каком-нибудь фильме по Чехову, поставленному именно Михалковым. Это заявление удивило многих. Где Италия, а где Россия! И как сочетать Мастрояни, Михалкова и Чехова? Никита как-то попросил меня поинтересоваться у Мастрояни, почему свой выбор он остановил именно на нем. Действительно, режиссеров, снимавших Чехова, много, а Марчелло Мастрояни — такая величина, что любой постановщик сочтет за честь работать с ним и любой продюсер даст день-

ги на производство картины.

В изложении Мастрояни все выглядело на удивление просто и логично. Как и многие большие западные актеры, он любит Чехова и давно хотел сыграть его так, как стал понимать уже в зрелом возрасте. Оставалось найти режиссера, который бы воспринимал Чехова примерно так же. Мастрояни просмотрел кучу лент разных режиссеров и убедился, что Чехова точнее всех чувствует Никита. В этом его убедила и «Неоконченная пьеса для механического пианино». Так что его заявление на нашем телевидении было вовсе не случайным экспромтом, а обдуманным и вполне обоснованным решением.

А дальше все завертелось. Итальянская версия сценария была далека и от Чехова, и от понимания России. Михалков с Адабашьяном написали свой вариант сценария, взяв за основу несколько рассказов Антона Павловича, сделав поправку на то, что фильм все-таки итальянский и рассчитан на итальянского, и вообще зарубежного, зрителя...

Дефицитные бублики и кирзовые сапоги

Нашел ли Мастрояни чеховский привкус в Костроме? Скорее — да. Во всяком случае экзотики было в достатке. Экзотика-то — вещь относительная: для жителя Костромы она — в Риме, для римлянина — в Костроме.

С самого утра около гостиницы «Волга», где проживала киногруппа, толпились любопытная молодежь. Она же обступала и съемочную площадку. Нет, ажиотажа не было. Все держалось скромно и дальше просьб автографа на память ничем Мастрояни не донимали. Как-то к обычной толпе любопытных присоединились пекари соседнего заводика хлебобулочных изделий. Они перелезли через забор, огораживавший предприятие, притащив с собой огромные кульки из грубой оберточной бумаги с горячими пылуемыми бубликами, стали угощать всех занятых в съемках. Душистый презент понравился представителям и российской, и итальянской сторон. Мастрояни в том числе.

После первой порции бубликов была принесена вторая, которая была тут же уничтожена с прежним аппетитом. Итальянцы поинтересовались, где можно купить такую вкуснятину — в магазинах, мол, не видели. Пришлось объяснить, что бублики — дефицит, что хлебные магазины имеют на них лимит, что нужно делать предварительные заявки, в общем, несли обычную нашу околесицу, которую хлипкому рассудку европейцев не дано осилить. Зато каждый следующий день огромные кульки с горячей, с пылу с жару выпечкой передавались через забор по потребности. Безо всяких бюрократических штук, без оплаты, просто как дар и вещественное подтверждение загадочности славянской души.

В центре Костромы сохранились торговые ряды дореволюционных времен с неповторимым купеческим привкусом. Смотрятся очень эффектно. Итальянцы сходили туда ради любопытства и сделали позарядное открытие: в одном из обувных магазинов, расположенных в рядах, продают... кирзовые сапоги по баснословно низкой (в понимании итальянцев) цене: одиннадцать рублей за пару. На второй день они все поголовно отоварились сказочным добром. Я спросил у ассистента оператора, парня лет 25, зачем ему сразу пять пар сапог.

— Вы не представляете, какая это замечательная обувь! Вчера шел дождь, и мне пришлось ходить по лужам, но мои ноги остались сухими. Сапоги не промокли. Посмотрите на голенища! У меня дома есть лошадь, я люблю кататься верхом. Кожаные сапоги портятся от воды, от потных боков лошади, теряют вид, а этим — хоть бы что! Я обязательно подкуплю еще для друзей. Было смешно смотреть, как итальянская помощница режиссера, симпатичная девчонка в изысканном спортивном костюме фирмы «Найк», шеголяла в наших кирзачах. Вечером у входа в гостиницу я встретил четырнадцатилетнюю дочь Мастрояни Кыру в компании местных сверстниц. Она жила постоянно в Париже со своей мамой, знаменитой актрисой Катрин Денев, и приехала с отцом в Россию только на время каникул. Так вот, из всей группы девчонок только Кыра была выражена в «экзотическую» обувь — новенькие еще не заляпанные грязью кирзачи.

Сейчас она сама актриса и даже снимается в главных ролях. Интересно, вспоминает ли тот сувенир, купленный в Костроме.

А я вспоминаю часто. И Кострому, и Марчелло Мастрояни с его неизменной сигарой. Великого актера двадцатого столетия, которому в эти дни исполнилось бы 75 лет.

Фото Лео ШЕРСТЕННИКОВА

